

ОБРАЗ РОССИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Т. Зарицкий*

Конструирование образа России в польском публичном дискурсе продуктивно рассматривать сквозь призму взаимоотношений двух стран периферии, которая конституируется структурной и экономической слабостью по сравнению с центром, т. е. с широко определяемым Западом. Экономическая отсталость находит отражение в самых разных измерениях дискурсивных репрезентаций себя и Другого. При этом ощущение отсталости и подчиненности центру возникает в периферийных регионах самопроизвольно и часто доминирует в том, как страна воспринимается изнутри и как ее воспринимают извне. Это в свою очередь порождает характерный для периферии комплекс неполноценности, проявляющийся в самых разных масштабах геополитической организации: от континентов до периферийных социальных групп, не имеющих четкой пространственной идентификации. Сопоставление направления экономических, политических и культурных влияний, стандартов жизни, эффективности организации социально-экономической жизни, а также общее благополучие центра на фоне переживаемых периферией проблем маргинализации, бедности, структурной неразвитости постоянно рождают психологический дискомфорт. Для обеспечения стабильности социальной системы последствия относительной де-

* Томаш Зарицкий – кандидат социологии, заместитель директора Института социальных исследований Варшавского университета (www.iss.uw.edu.pl/zarycki). Электронная почта: t.zarycki@uw.edu.pl.

Данный текст представляет собой сокращенную версию главы из готовящейся к изданию книги: Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительных исследований социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. В. А. Ядова и Е. Н. Даниловой. СПб.: Изд-во РХГИ.

Перевод с английского выполнен О.А.Оберемко.

¹ По данным опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения (CBOS) в июле 2002 г., 45 % респондентов считали, что введение визового режима с Россией (а также с Беларусью и Украиной) принесет Польше больше пользы, однако 30 % полагали, что оно нанесет вред. Последнюю точку зрения разделяло большинство жителей приграничных регионов [18].

приватии приходится контролировать, прежде всего символическими средствами. Совладание с комплексом неполноценности становится ключевой задачей, и ответственность за ее решение ложится на периферийные элиты. Проблема компенсации болезненного ощущения слабости и недостаток уважения со стороны центра требует не только оперативного политико-экономического управления, но и выработки долгосрочных политических стратегий по формированию национальной идентичности.

В формировании современной польской идентичности образ России играет ключевую роль, выполняя в дискурсивных механизмах ряд функций, связанных с компенсированием слабости периферийной Польши по сравнению с Западом. Образы России и Советского Союза практически не различаются и используются в польских дискурсах субнационального, национального и супранационального уровней. В субнациональном контексте роль России может анализироваться с точки зрения конкретных социальных групп, в частности, выделенных по политическому признаку. Главный политический раскол на левых и правых в позднекоммунистической и посткоммунистической Польше был связан с отношением к Советской России [21]. В стане правых преобладала жесткая линия бескомпромиссной борьбы с засильем Москвы, тогда как в стане левых господствовали прагматичные соображения в пользу сотрудничества с СССР. Сегодня этот раскол трансформировался в конфликт интерпретаций коммунистического прошлого. Неудивительно, что демонизация России особенно активно транслируется антикоммунистами справа, и этот образ разделяется большинством поляков. Более сдержанные взгляды мы находим в левой части политического спектра, однако и там трудно найти горячих и безусловных поклонников России, поскольку польские левые элиты сохранили преимущественно прагматическую (некоторые сказали бы оппортунистическую) установку по отношению к России.

Дискурс польской национальной идентичности условно делится на два потока: один предназначен для международной, прежде всего западной публики, другой – для внутреннего потребления. Можно выделить пять главных функций негативного образа России: 1) негативная точка отсчета для переоценки, переопределения слаборазвитости Польши; 2) фактор усиления европейской идентичности Польши; 3) объединяющая нацию угроза; 4) роль угнетателя – центральный пункт для формирования основанной на жертвенности польской идентичности; 5) сфера исключительной экспертизы поляков.

Ключевая роль России в польском политическом дискурсе состоит в переоценке слабости Польши. Сравнение с Россией позволяет польским элитам снижать остроту внутренних проблем и одновременно открыто говорить о них, что принципиально важно, например, для поддержания доверия к себе. На фоне репрезентаций гигантского отставания России в социальном, экономическом и

политическом развитии те же самые слабости Польши – отсталость в развитии, бедность, коррупция, общая хрупкость гражданского общества и т.п. – должны по идее восприниматься как несущественные или, по крайней мере, уже привычные в европейском контексте. Сравнение слабых сторон Польши и России позволяет укреплять самоуверенность в спорах с иностранцами, а дома исцеляться от недовольства. Последнее, по-видимому, возникает не столько из-за объективных проблем, сколько из-за склонности негативно воспринимать собственную страну и состояние ее экономических, социальных и политических институтов. Польский фатализм уже стал предметом академических исследований; социальный психолог Богдан Войцишке разрабатывает концепцию «польской культуры сожаления» [19]. С геополитической точки зрения в Польше можно обнаружить своего рода постколониальный синдром утраты иллюзий. Этот синдром пережили многие страны после своего освобождения от внешней зависимости, которую они прежде считали единственным фактором, тормозившим социальное и экономическое развитие. Постколониальный (в данном случае посткоммунистический) синдром проявился и в том, что после снятия центром длительного запрета на выражение недовольства оно получило весьма интенсивное выражение, вплоть до открытого отвращения.

Большинство польских газет и телеканалов рисует состояние дел в Польше в черных красках. Может даже сложиться впечатление, что страна неуклонно движется к полному краху. Ответы на вопросы «каковы причины?» и «кто виноват?» зависят от идеологических симпатий конкретного источника коммуникации, но пораженчество свойственно всем. В такой ситуации взгляд на Восток – самое простое утешение. Именно поэтому польские СМИ столь охотно пишут о любом промахе или слабости России. В самом деле, когда взаимодействуют поляки, россияне и граждане других стран Восточной и Центральной Европы, они постоянно осуществляют мониторинг друг друга, специально выискивая те слабости, которые могут служить доказательством нецивилизованности, некультурности и неевропейскости в целом. От пытливого взгляда почти невозможно уклониться, и это напоминает ситуацию некоторых обществ на Западе, где классовые разломы повышают чувствительность к манерам, произношению, костюму и тому подобным вещам. Похоже, что шкала «центр – периферия» особенно важна для социальной стратификации именно в периферийных обществах, в которых разделение на классы обычно выражено не полностью. На периферии в межгрупповых и внутригрупповых отношениях степень интернализации культуры центра гораздо важнее обладания экономическими активами. Таким образом, в периферийных обществах культурный капитал играет исключительную роль.

Говоря о польском комплексе неполноценности, следует подчеркнуть, что, по данным многих опросов, поляки выражают гораздо более высокий уровень гордости за свою страну, чем в среднем на Западе. Более того, И. Курчевска [8], опираясь на данные эмпирических исследований, видит в неуважительном от-

ношении поляков к восточным соседям явный комплекс превосходства. Можно согласиться, что этот феномен существует, и даже можно связать его с «имперским комплексом» поляков². Однако Польша – такая страна, в которой постколониальный синдром (в форме посткоммунистического похмелья) уживается с постимперским синдромом. Последний питается прежде всего воспоминаниями о славном польско-литовском содружестве XVI–XVIII вв. Привязанность к этим историческим образам охлаждалась во времена, когда польского государства не существовало, и проявлялась в активном обращении к истории для поддержания национальной идентичности. Несмотря на то что сегодня о территориальных претензиях большинство поляков уже не помышляют, убеждение в особом статусе Польши на международной арене, по крайней мере, в восточно-европейском ареале, сохранилось и разделяется большинством польских элит. В частности, оно проявляется в покровительственном, даже высокомерном отношении к восточным соседям, особенно к тем, которые исторически были частью Первой Речи Посполитой. Это отношение, сейчас гораздо более слабое и менее открытое, глубоко укоренено в польской культуре, особенно в литературе. Однако комплекс превосходства поляков перед Востоком нельзя отрывать от комплекса неполноценности перед Западом, поскольку первый фактически является функцией второго. Даже если высокомерие по отношению к Востоку имеет собственные исторические корни, оно в значительной мере стимулируется сильным комплексом неполноценности перед Западом. Эти рассуждения вполне в духе Чеслава Милоша, который писал, что «под рыцарской самоуверенностью поляков скрывается громадный комплекс неполноценности» [10]. Именно в нем Милош видит главный источник польского антисемитизма, который, по его мнению, имеет преимущественно крестьянские корни.

Восприятие России в Польше хорошо укладывается в известное противопоставление Восток–Запад, один из величайших метанарративов европейского континента. Как указывал А. Нойман [11, р. 103], мифический Восток исторически является одним из важнейших значимых других для формирования европейской идентичности. Для Польши важнейшие символы Востока – Россия и Турция. Как пишет А. Нойман, схема Восток – Запад включает такие пары оппозиций как тело – разум, природа – цивилизация, варварство – цивилизованность, тоталитарное – демократическое, азиатское – европейское, несвободное – свободное, план – рынок, наступательное – оборонительное и многие другие. Логика Восток – Запад особенно сильно укоренена в пограничной зоне. Споры о принадлежности России и Турции к Европе активно ведутся как внутри этих

² И. Призель, реконструируя историю попыток преодоления поляками имперского комплекса, указывает на принципиально важную роль выходящего в Париже журнала «Kultura» и особенно работы Людвика Мерошевского. И. Призель указывает, что, по сравнению с довоенной Польшей и современным политическим дискурсом России, современная Польша почти полностью распрощалась с мечтами об империи [13].

стран, так и на всем старом континенте. Именно в зоне перехода активно ведется поиск границ между Азией и Европой, причем восточный рубеж обычно проводят по границе собственной территории. Так делают в большинстве наций-государств Восточной, Центральной и Южной Европы. С. Жижек пишет, что для всякой южноевропейской нации Балканы начинаются за их юго-восточной границей [23]. В странах Восточной и Центральной Европы, в том числе и в Польше, Восточная Европа начинается за их границами, а сами себя они предпочитают называть центральноевропейцами. Некоторые немцы по-настоящему европейской считают только западную часть Германии, некогда входившую в состав Римской империи. К. Аденауэр, например, проводил восточную границу Европы по Эльбе [11, р. 102]. В разных регионах Польши границу между Азией и Европой проводят по-своему: одни – по Бугу (сегодняшняя восточная граница Польши), другие – по Висле. В Висле видят межцивилизационный барьер некоторые современные социологи [6], исторические фигуры вроде маркиза де Кюстина и даже некоторые жители Варшавы, которые считают Прагу азиатским и столь экзотическим предместьем, расположенным на правом берегу Вислы, что они бывают в нем реже, чем в западноевропейских столицах. Важное символическое значение имеет проходящая по территории современной Польши историческая западная граница Российской империи периода с 1815 по 1915 г. В региональном дискурсе постоянно воспроизводятся представления об отсталости бывшей российской части Польши. Особенно глубоко эти представления укоренены в дискурсе региональной идентичности в бывших прусском и австрийском секторах. Многие варшавские аналитики и комментаторы используют не столько исторические нарративы, сколько объективные данные об экономической и социальной неразвитости той части польской территории, которая четко отделяется бывшей границей Российской империи. Символическая граница между российской и прусской Польшей весьма заметна в Верхней Силезии, восточная граница которой проходит по реке Брыница, некогда разделявшей Россию и Пруссию [14]. Некоторые современные польские историки утверждают, что для польской культуры наиболее благотворным было австрийское правление; иногда в нем с гордостью видят доказательство европейскости региона.

Отказ от восточного наследия, особенно российского, представляется наиболее характерной чертой польской национальной и некоторых региональных вариантов идентичности. Влияние России на польскую экономику и общество, особенно в период после разделов Польши, считается в основном негативным и даже разрушительным. Если и упоминаются случаи положительного влияния, о них говорят как о редчайших исключениях³. В то же время российское культурное влияние, особенно в регионах, входивших в Российскую империю,

³ Примером может служить Сократес Старынкевич, русский мэр Варшавы в 1875–1892 гг., которого помнят за исключительные личностные качества и заслуги в модернизации городской инфраструктуры. Старынкевич, кажется, единственный российский чиновник, чье имя сохранилось в топонимике Варшавы.

квалифицируется как временное и поверхностное, а русской культуре в целом иногда совершенно отказывают в какой-либо привлекательности для поляков. Например, в уважаемой ежедневной газете «Речь Посполита» Кшиштоф Клопотовский писал, что от российского владычества, отсталого в цивилизационном и примитивного в культурном отношении, в польском языке остались лишь «водка», «указ» и «кибитка», тогда как поляков сильно привлекал мир германской культуры [7].

Нечего говорить о крайней односторонности приведенного суждения. Для многих поляков российская идентичность была крайне притягательной как с экономической, так и с культурной точки зрения. Достаточно вспомнить написанное в 1920 г. эссе Мариана Здзеховского «О русском влиянии на польскую душу» [22]. В нем ведущий в Польше специалист по русской литературе и философии рубежа веков и большой поклонник русской культуры критиковал растущее и, как он утверждал, одностороннее преклонение перед всемирным величием русской культуры. Он сетовал, что польская культура все больше игнорируется польской интеллигенцией за ее поверхностность и провинциальность.

В целом можно говорить о широком замалчивании российского влияния на польскую культуру и общество. Оно ведет свою историю как минимум со времен разделов Польши. Не так давно историк Януш Тазбир [15] представил широкую панораму «народной», или «национальной» цензуры. Я. Тазбира более всего интересует табуирование, которому подверглись историки и писатели XIX в. Он пишет, что после разделов Польши присутствие Российского государства в польской литературе обнаруживается лишь при упоминании денег. Только рубли и копейки дают возможность читателю понять, что действие происходит в той части Польши, которая отошла к Российской империи. Подобная «цензура» прослеживается в известном романе Болеслава Пруса «Кукла».

Я. Тазбир пишет также о замалчивании роли поляков в политической и академической жизни Российской империи. Самым показательным примером он считает отсутствие упоминаний о поляках, сделавших карьеру в Петербурге. Тех, кто достигал успеха в российской столице, обычно негативно характеризовали как карьеристов, ренегатов, опустившихся взяточников и пьяниц. Польский историк приводит классический пример Адама Мицкевича, в биографиях которого крайне редко упоминается факт его пребывания в Петербурге, положившего начало его успеху, так как именно в российской столице он был замечен, по-настоящему оценен и провозглашен великим поэтом. Статья Я. Тазбира целиком посвящена истории, в основном XIX в., а между тем современный польский дискурс тоже полон примеров замалчивания российских связей с польской культурой и историей. Неприкрытость такого замалчивания поражает и унижает европейскость Польши. В качестве примера можно привести споры о маршрутных табличках на вагоне трамвая XIX в., который несколько лет назад был приобретен городскими властями Варшавы. Поскольку в нахо-

дившейся на территории Российской империи польской столице все вывески были двуязычные, историческая правда требовала, чтобы таблички были и на русском, и на польском языке. Однако это признал нежелательным даже мэр Варшавы Павел Пискорский, который заявил, что опасается мнений прессы [9]. Можно также критически взглянуть на сайт Варшавского университета⁴ и его музея, где представлен российский период истории. История Варшавского императорского университета фактически не считается частью истории университета, а имена его ректоров не включены в общий список ректоров⁵. В то же время в Польше часто критикуют университеты Львова и Вильнюса за недостаточную экспозицию польского периода их истории.

При конструировании негативного образа часто подчеркивается, что Россия по-прежнему представляет угрозу, причем не только для Польши, но и для других европейских стран. Поляки особенно чувствительны к малейшим признакам российского экспансионизма. Новости и комментарии о России, в которых указываются действительные или потенциальные признаки возрождения имперских наклонностей восточного соседа, идут постоянным потоком в польских СМИ. Эти угрозы видятся в каждом действии, в каждом призыве, направленном на укрепление власти центра, а также едва ли не во всех внешнеполитических действиях России, особенно в отношении важных для Польши стран – Беларуси и Украины. Особое место в этом контексте занимает крайне критическое восприятие войны в Чечне⁶. В новостных сводках постоянно звучит мотив неспособности России порвать с имперским наследием, который легко превращается в предупреждение о возможных амбициях в отношении Польши, а в будущем, кто знает, и в отношении других европейских государств. Конечно, сейчас не говорят об угрозе военного вторжения, но угроза видится в других сферах, прежде всего в экономической. Тема поставок природного газа по трубопроводам является ключевой и весьма щекотливой для политиков, поскольку зависимость от российского газа считается главной угрозой польскому суверенитету.

Во внутренней политике основная функция российской угрозы заключается в интеграции поляков. Даже в отсутствие актуальной опасности образ гроз-

⁴ См.: <http://www.uw.edu.pl/en.php/history/1870e.html>.

⁵ См.: <http://www.uw.edu.pl/pl.php/wczoraj/historia/poczet.html>.

⁶ Интерес поляков к войне в далекой Чечне особенно хорошо иллюстрирует ключевую роль России в формировании польской национальной идентичности. Широкую поддержку небольшого мусульманского народа на Кавказе можно противопоставить почти полному пренебрежению делами в гораздо более близкой бывшей Югославии и отсутствию либо определенных симпатий к какой-либо из сторон конфликта в этом регионе. Правда, в последние годы поддержка чеченцев снизилась. По данным опросов СВООС, в январе 2000 г. она составляла 48 %, а к ноябрю 2002 г. упала до 26 %. В то же время лишь 9 % поляков поддерживали российскую сторону в конфликте и 6 % возлагали ответственность за развязывание войны на чеченскую сторону (33 % – на российскую) [24].

ного соседа, построенный на исторической памяти, служит фундаментальным средством легитимации польской национальной идентичности и институтов польского национального государства, необходимого для защиты народа от общего врага.

В то же время многие аналитики утверждают [4], что образ потенциальной угрозы со стороны России лежит в основе польской внешней политики в посткоммунистический период, включая такие ее приоритеты, как вступление в НАТО и ЕС. Даже если опасения обосновываются не реальной агрессивностью российской политики, а имманентно присущей непредсказуемостью, российская угроза делает поведение Польши на международной арене вполне последовательным и предсказуемым.

Для современной Польши также важен мотив страданий от угнетения России. Чем длиннее список перенесенных страданий, тем обоснованнее моральное превосходство Польши в своих отношениях с Востоком и Западом. За несчастья, принесенные Польше в эпоху советского владычества, несет ответственность и Запад, сдавший Польшу Москве в Ялте и Потсдаме, и этот аргумент используется для того, чтобы внушить Западу мысль о долге, который он должен вернуть Польше.

В то же время Польша отказывается признавать историю своих агрессивных действий по отношению к соседям. Более того, Польша репрезентируется как исключительно мирное государство и вместе с Литвой пропагандирует миф и своей неагрессивности.

Страдания и потери поляков прежде всего описываются в моральных и культурных терминах, особо подчеркивается утрата культурного капитала в человеческом и объективированном измерениях. Часто упоминают о гибели значительной части польской интеллектуальной элиты. Катынская расправа стала центральным символом страданий поляков, принесенных Россией. Всякий намек на то, что Катынь может символизировать общность судьбы коммунистического порабощения польского и российского народов, обычно отвергается.

Россия является важным элементом польской идентичности еще и потому, что рассматривается как объект, в котором поляки особенно компетентны. Долгая история взаимоотношений, понесенные Польшей жертвы, испытания российского, а потом советского ига обогатили поляков особым, непосредственно полученным из первых рук знанием «российской души». Претензии на исключительную компетентность поляков во всем, что касается России, объясняется, с одной стороны, длительностью и суровостью российской оккупации, а с другой – заведомой европейскостью Польши, которая позволяет выражать свое уникальное знание Востока в западноевропейских понятиях. Польша –

нация славянская и католическая одновременно. Первое обстоятельство позволяет глубоко понимать Россию, второе предопределяет ее принадлежность к западному христианству и тем самым к Западной Европе. Эти соображения часто выдвигаются для обоснования идеи о том, что Польша служит мостом или посредником между Россией и Западом. Однако сегодня растет убеждение, что России не нужны посредники в ее контактах с Западом, а поэтому Польше остается роль эксперта. Мнение об особом понимании России в Польше широко распространено. В последние годы идея исключительной компетентности Польши в российских делах горячо обсуждается в связи со вступлением Польши в ЕС. Утверждается, что ввиду особенностей исторического опыта и интересов Польше следует претендовать на важную роль в формировании восточной политики Европейского союза [3].

Есть еще один аспект компетентности Польши в России и восточноевропейских делах, который очень активно муссируется: Восток являет собой источник духовности, неведомой материалистическому Западу. Идея о том, что Россия – «душа Европы», естественно, популярна в самой России и имеет долгую историю в ее восприятии Западом. Как пишет А. Нойман, именно так смотрел на Россию де Местр, который верил, что русские обладают «врожденной мудростью, в смысле отсутствия рациональности, установленной Просвещением в качестве европейского и всемирного идеала» [11, р. 93]. Поэтому поляки полагают, что знание этой духовности и накопленный опыт взаимодействия с восточными соседями дают им преимущество перед другими народами Запады. Такой взгляд уже давно присутствует в дискурсе польской идентичности. Показателен пример Адама Мицкевича, который сочетал ощущение морального превосходства и презрения к России с уважением и даже восхищением ее духовностью. Традиционное почтение к восточной духовности продолжают выражать ключевые фигуры для дискурса польской идентичности. В качестве примера можно привести послание Папы Иоанна-Павла II «*Oriente Lumen*» от 1995 г.

Среди польских писателей и ученых можно найти уникальных знатоков «русской души». В конце XIX в. и в межвоенный период таким знатоком был Мариан Здзеховский, знакомый с Н. Бердяевым, братьями Трубецкими и Д. Мережковским. В коммунистический период писатель и художник Юзеф Чапский опубликовал несколько книг (наиболее важная – «Бесчеловечная земля») и эссе во влиятельном ежемесячном журнале «*Kultura*», издававшемся в Париже польской эмиграцией. Традицию продолжил Мариуш Вилк [17], проведший несколько лет на Соловках. Его первая книга «Дневники беломорского волка» недавно была переведена на английский язык. Другой современный пример восхищения русской, православной, восточной духовностью являет «Фронда», периодическое издание молодых католиков-консерваторов.

Может, конечно, возникнуть интересный вопрос: насколько такой экспертизе можно верить. Большинство поляков, по крайней мере, те, которые интересуются международной политикой, осознают, что им часто приписывают антироссийские настроения, а их суждения подвергаются сомнению как русофобские. Отсюда постоянная забота о правдоподобности польского дискурса о России.

Наиболее крайний взгляд во внутреннем споре о возможности Польши быть экспертом по России недавно выразил Анджей Валицкий. Свою эмоциональную критику основного течения польского дискурса о России он направил не столько на комментаторов правого крыла, известных своими антироссийскими позициями, сколько на либеральные СМИ, в частности, на наиболее уважаемые и влиятельные издания «Речь Посполита» и «Газета wyborcza». Среди персонально упомянутых авторов Валицкий не пощадил даже бывшего министра иностранных дел и бывшего лидера Союза свободы Бронислава Геремека. Хотя А. Валицкий признал, что Б. Геремек отрицал обоснованность страхов Польши перед экспансионизмом России, он решительно осудил его попытки защитить поляков от обвинений в русофобии. По мнению А. Валицкого, утверждения Б. Геремека о том, что опасения Польши происходят из-за беспокойства о будущем демократии в России, лишены оснований, а поддержка бывшим министром иностранных дел оппозиционных Путину либеральных политиков он назвал ошибкой. Фактически А. Валицкий прямо увязывает внутрироссийский политический конфликт с польскими дебатами о России и занимает в обоих вопросах совершенно определенную и ясную позицию. В частности, он пишет:

«Несомненно, что российская оппозиционная интеллигенция репрезентирует давнюю и глубоко трагичную традицию борьбы с российской государственностью. Несомненно и то, что есть множество оправданий ее нервозности, порой даже истеричности по поводу всякой попытки построить в России „сильное государство“. Однако это не является основанием для того, чтобы считать ее мнение о путинской России объективным и авторитетным. Как раз наоборот! Когда поляки цитируют мнения Сергея Ковалева, весьма интенсивная, хотя и отличная по происхождению и содержанию „антиавторитарная“ аллергия российских радикалов лишь усиливает польский национальный невроз. Тезис о том, что только демократические силы могут обеспечить стабильность и поступательный прогресс в России также представляется крайне сомнительным» [16].

Трудно сказать, какую поддержку встречает позиция А. Валицкого среди различных слоев польского общества и элит. На его критику ответил в «Речи Посполитой» Славомир Поповский [12], который отверг обвинения в русофобии, а Валицкого обвинил в русофилии. Эта позиция, по мнению С. Поповского, так же абсурдна, как и русофобия, отличающаяся лишь направленностью стереотипов. Он предположил, что А. Валицкий просто воспроизвел типичный

ответ Кремля своим критикам. Более того, С. Поповский нашел комментарии А. Валицкого по поводу либеральной российской интеллигенции шокирующими и подверг критике мнение о том, что Путин – единственный эффективный сторонник модернизации и вестернизации России. С. Поповский подчеркнул, что, в противоположность мнению Валицкого, поляки воспринимают Путина не только через призму войны в Чечне, поскольку они равным образом осуждают и террористические акции, и жестокость российской армии. Гораздо важнее то, что действия России в Чечне критикуют не только поляки, но и Запад, в частности Совет Европы, тем самым С. Поповский включает представления поляков о России в западный контекст. Упоминание взглядов Запада, оценка выгод и упущений от выражения Польшей особого мнения о России, по-видимому, еще раз подтверждают полезность интерпретации дискурса польской идентичности в контексте оппозиции центр – периферия.

Рассмотрение роли России в формировании современной польской идентичности завершим ссылкой на теоретический подход, предложенный недавно Дж. Эйалом и его соавторами [5]. Они полагают, что природу системы социальной стратификации можно описать с помощью теории П. Бурдьё о трех формах капитала: экономического, культурного и социального; частной формой выражения последнего П. Бурдьё считал политический капитал [1]. Указанные авторы проинтерпретировали эволюцию центральноевропейских обществ в терминах изменения роли типов капитала в определении правил социальной иерархии. Сходным образом теорию капиталов можно применить к анализу программ национальной идентичности. Связь между социальной стратификацией и доминирующим пониманием социальной идентичности представляется очевидной, и можно ожидать, что идентичность любой группы будет отражать природу правил внутренней социальной иерархии. Таким образом, различия между польской и российской национальной идентичностью можно проинтерпретировать, используя понятия П. Бурдьё. С этой точки зрения, ключевое различие заключается в том, что в Польше центральную роль играет культурный капитал, тогда как в России – капитал политический. Современная польская национальная идентичность из-за временной утраты государственности сильно связана с религиозной, а именно с католической идентичностью, и основывается на этосе сильной виктимизации, в котором подчеркиваются два фактора: внешняя угроза и высокие моральные качества угнетенной нации. Как указывал М. Эшли [2], виктимизация есть интегральная часть любой программы национальной идентичности, хотя ее роль и значение могут различаться. Доминирующая среди поляков модель национальной идентичности строится на виктимизации, в которой Россия играет ключевую роль. Что касается современной российской идентичности с ее наследием многонациональной империи и статусом сверхдержавы, то она опирается на роль государства,

которая на теоретическом языке может отождествляться с политическим капиталом.

В последние годы в эволюции политических настроений в Польше и России происходили колебания в интенсивности опоры на центральный аспект национальной идентичности. Так, приход Б. Ельцина к власти можно проинтерпретировать как следствие недовольства советской моделью социальной организации, в которой доминировал политический капитал. Восхождение В. Путина, в свою очередь, произошло вследствие недовольства тем, что 1990-е гг. экономический и культурный капитал стал играть главную роль в социально-экономической жизни страны. Хождение многочисленной когорты интеллектуалов во власть в ранние ельцинские годы и появление олигархов стали символами указанной тенденции. В Польше наблюдалась обратная последовательность. Фигуру Л. Валенсы можно рассматривать как символическую опору на традиционную модель польской идентичности, основанную на католицизме, виктимизации и крайне моралистическом дискурсе. Его поражение от А. Квасьневского можно проинтерпретировать как исчерпание (пожалуй, временное) влияния культурного капитала в польской политике и подъем политического и экономического капиталов.

Несмотря на снижение роли культурного капитала в Польше, которое отразилось на политической роли интеллигенции [20], можно утверждать, что в далекой перспективе он снова будет играть центральную роль в польской национальной идентичности. Подчеркивание цивилизационных и моральных качеств поляков в контрастном сравнении с Россией ясно указывает на опору в самопрезентации на культурный капитал. Встречаются и прямые попытки компенсировать политическую и экономическую неразвитость Польши конструированием идентичности на основе культурного капитала. При этом, с одной стороны, подчеркивается сила государства и военная мощь России, а иногда и ее экономическое богатство, а с другой – говорится о том, что Россия – дикое, нецивилизованное, грубое, неевропейское общество, подавляющее наряду с собственными гражданами другие нации и неспособное порвать с тоталитарным, коммунистическим и имперским наследием. Иными словами, использование образа России в борьбе с комплексом собственной неполноценности по отношению к Западу представляется одним из элементов более широкой стратегии, направленной на компенсацию экономической и политической отсталости.

В России действует сходный механизм, однако компенсация достигается за счет политического капитала, что наилучшим образом доказывается популярностью идеи сильного государства. Сила государства базируется прежде всего на сильной армии и спецслужбах. Роль армии в замещении экономического капитала политическим хорошо описана Призелем, который отмечал, что «недовольство реальностями России и двусмысленность ее роли в Европе породили

в русской душе сильную зависимость от российских вооруженных сил, необходимых, чтобы компенсировать ощущение неполноценности перед Западом» [13, p. 172].

Стратегия усиления национальной идентичности за счет культурного капитала предполагает претензии на превосходство, основанное на особом знании, причастности, мудрости, обладании культурным наследием, компетентностью в высокой культуре, формальной образованностью, манерами, моральными качествами. Все эти элементы присутствуют в современном дискурсе польской национальной идентичности, а образы России используются для их оправдания.

Когда говорят о цивилизационной компетентности поляков, часто прибегают к нарративу исключенности России из основных процессов формирования современной европейской идентичности – Возрождения, Реформации, Просвещения и т. п. Превосходство Польши здесь проявляется еще и в том, что П. Бурдые называл «объективированным культурным капиталом», т. е. материальными объектами, обладающими культурной ценностью. Архитектура может служить наилучшей иллюстрацией: присутствие на исторической территории Польши романской и готической архитектуры, памятников эпохи Возрождения используется как доказательство превосходства над русским Другим.

В польском политическом дискурсе Россия часто рисуется негативно, как менее цивилизованная страна, представляющая для Польши военную, политическую или экономическую угрозу. При этом поляки в некоторых отношениях с большей открытостью и меньшей боязнью смотрят на Россию, чем многие народы Запада. Хорошим примером может служить тот факт, что Польша, ввела в 2003 г. визовый режим для российских граждан (как и граждан Беларуси и Украины), вопреки мнению значительной части польского общества¹, только под сильным давлением Европейского союза. Не претендуя на репрезентативную картину того, как Россия воспринимается в Польше, мы сосредоточимся на функциях, которые негативные аспекты образа России, представленные в польском общественном дискурсе, выполняют в конструировании польской национальной идентичности.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаев // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
2. *Ashley M.* Nations as Victims: Nationalist Politics and the Framing of Politics : Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. 2001. September.

3. *Cichocki J. et al.* Polska a wymiar wschodni UE // Wymiar wschodni UE – szansa czy idée fixe polskiej polityki. Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2002.
4. *Cywiński B.* Europa w poszukiwaniu duszy: Jaka wspólnota? // Rzeczpospolita. 2003. 4 października.
5. *Eyal G. et al.* Making Capitalism without Capitalists: The New Ruling Classes in Eastern Europe. L.: Verso, 1998.
6. *Jałowiecki B.* Przestrzeń historyczna, regionalizm, regionalizacja // Oblicza polskich regionów. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego UW, 1996.
7. *Kłopotowski K.* Program dla P. // Rzeczpospolita. 2003. 10 października.
8. *Kurczewska J.* What is Likely to Happen to Polish Collective Consciousness after Accession to the European Union? // Polish Sociological Review. 2003. № 1.
9. Lobbing za cyrylicą // Gazeta Stołeczna / Gazeta Wyborcza. 2000. 4 grudnia.
10. *Miłosz Cz.* Literatura polska // Gazeta Wyborcza. 2001. 29 grudnia.
11. *Neumann I.B.* Uses of the Other: The “East” in European Identity Formation. Manchester: Manchester University Press, 1999.
12. *Popowski S.* Przez różowe okulary // Rzeczpospolita. 2004. 13 marca.
13. *Prizel I.* National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
14. *Szczepański M.S.* Regionalizm górnośląski w świadomości społecznej: Socjologiczne studium przypadku // Regionalizm a separatyzm – historia i współczesność: Śląsk na tle innych obszarów. Katowice: Wydawnictwa Uniwersytetu Śląskiego, 1995.
15. *Tazbir J.* O czym się pisać nie godziło // Gazeta Wyborcza. 2003. 27 grudnia.
16. *Walicki A.* Rosja Putina a polityka polska // Przegląd. 2004. 23 lutego.
17. *Wilk M.* The Journals of a White Sea Wolf. L.: Harvill Press, 2003.
18. Wizy dla naszych wschodnich sąsiadów i problem Kaliningradu: Komunikat z badań BS/134/2002. Warszawa: Centrum Badań Opinii Społecznej, Sierpień 2002.
19. *Wojciszke B., Baryła W.* Polacy jako uczestnicy kultury narzekania // Zmiany publicznych zwyczajów językowych. Warszawa: Rada Języka Polskiego przy Prezydium PAN, 2001.
20. *Zarycki T.* Cultural Capital and the Political Role of the Intelligentsia in Poland // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. № 4.
21. *Zarycki T.* Politics in Periphery: The Interpretation of Political Cleavages in Poland in Their Historical and International Context // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 5.
22. *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską // Dusza polska i rosyjska: Od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Solżenicyna. Warszawa: PISM, 2004.
23. *Žižek S.* The Metastases of Enjoyment. L.: Verso, 1994.
24. Zmiana opinii o konflikcie rosyjsko-czeczeńskim // Komunikat z badań. BS/218/2002. Warszawa: CBOS, Grudzień 2002.